

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Почему?

— Потому что наша Академия находится в системе учебных заведений при Министерстве культуры. Значит, мы существуем на мизерные средства. Наши студенты получают стипендию — 18 тысяч рублей. А метр грунтованного холста стоит 100 тысяч. Мольберт — миллион. А еще кисти, краски, растворители. Где взять деньги на самое элементарное?

— Искать спонсоров, меценатов...

— Искали. Я неоднократно обращался через телевидение и прессу за помощью к нашим Третьяковым, Рябушинским — никакого отклика. На бесконечные шоу и всякие сомнительные зрелища средства находятся, а тут...

— Неужели ни одна живая душа не откликнулась?

— Только одна! Неделю назад нашу выставку посетил Владимир Петрович Кругляк, президент Ингосстраха. Это солиднейшая фирма. Походил, посмотрел и решил учредить 12 премий для молодых художников — участников выставки.

— Хорошо, временная крыша у вас есть. А как насчет постоянной?

— Сейчас на Мясницкой улице (бывшая Кирова) итальянская фирма заканчивает реставрацию здания, в котором раньше размещалось императорское училище ваяния и зодчества. Юрий Михайлович обещал передать его нам. Я также надеюсь на обещанные нам правительством Москвы чердачные помещения в одном из домов в центре города — мы бы устроили там мастерские для наших художников-преподавателей и дипломников. Но кто даст деньги на переоборудование — пока не знаю.

— Илья Сергеевич, вы говорите, что у вас нет отбоя от желающих учиться. А по-

ТРИУМФ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Народный художник побил очередной рекорд

чему так рвутся к вам? Бегут на громкое имя «Школа Глазунова»?

— Дело не в школе Глазунова и не во мне лично, а, наверное, в той системе обучения, которую мы вознамерились возродить. Она уже

была и превосходно себя зарекомендовала. До 17-го года. В Санкт-Петербурге когда-то было очень строгое заведение — Императорская академия художеств. Ее опыт уникален, потому что она дала миру совершенно разных художников: Иванова и Врубеля, Сурикова и Малявина, Бенуа и Рериха...

— Следовательно, ваша система построена на опыте...

— ...накопленном русской школой высокого реализма.

— Извините, но реализм у нас всегда был в почете...

— Какой реализм? На злобу дня? Соцказ? А где вечное, непреходящее? Где вы видели на советских выставках исторические картины? Я уж не говорю о мифологических и религиозных, которые раньше числились на первом месте во всех художественных академиях. Ни в Суриковском, ни в Репинском — только у нас есть историческая мастерская. Результат ее работы — на выставке. Вот интереснейшая, исполненная глубокого психологизма работа Виктора Шилова «Петр и царевич Алексей». Вот другой замечательный автор Владимир Штейн, «Голгофа» — по-новому прочитанная вековая тема, к которой обращались многие художники: свой Христос, своя Дева Мария и свое ощущение трагедии распятия и исполнения человеческих грехов. Вот труднейшая многофигурная композиция на картине Ивана Глазунова «Распни его!», где очень тонко передан диалог Понтия Пилата и Христа на виду у разъяренной черни.

— Ваш сын пошел по вашим стопам — под вашим влиянием?

— Нет. Как художник он вполне самостоятелен и совершенно не похож на меня. И если вы были на нашей выставке, вы не могли не заметить, как все молодые художники не похо-

жи друг на друга. А уж тем более на меня. Диву даешься, как была права система Императорской академии, которая загоняла человека в жесткие рамки правил и регламентаций и в то же время уважала личность художника, развивала его неповторимое «я». Мне очень понравилось остроумное замечание Сергея Михалкова насчет своих детей: «Раньше говорили, что Никита Михалков — сын Сергея Михалкова. А теперь говорят: «Это отец Никиты». Я потому и взвалил на себя академию, чтобы мои молодые коллеги работали лучше меня. Лучше своих предшественников. И были бы выразителями национального самосознания. Потому что искусство, с моей точки зрения, состоит из двух проблем: что и как. Что хочет сказать художник — рождает его форму. Всякие стиливые особенности, мода, поветрия не имеют отношения к настоящему искусству. Оно — это дух познания добра и зла, гармонии и таинства Божьего мира. Поэтому искусство всегда национально. Оно не знает понятия «эсперанто».

— Практический вопрос: ходят слухи об аукционе, который вы собирались устроить именно на этой выставке...

— Этот вопрос сейчас прорабатывается, и вы будете первой газетой, кому я сообщу об этом.

— Спасибо. Будем ждать.

— Это вам спасибо!

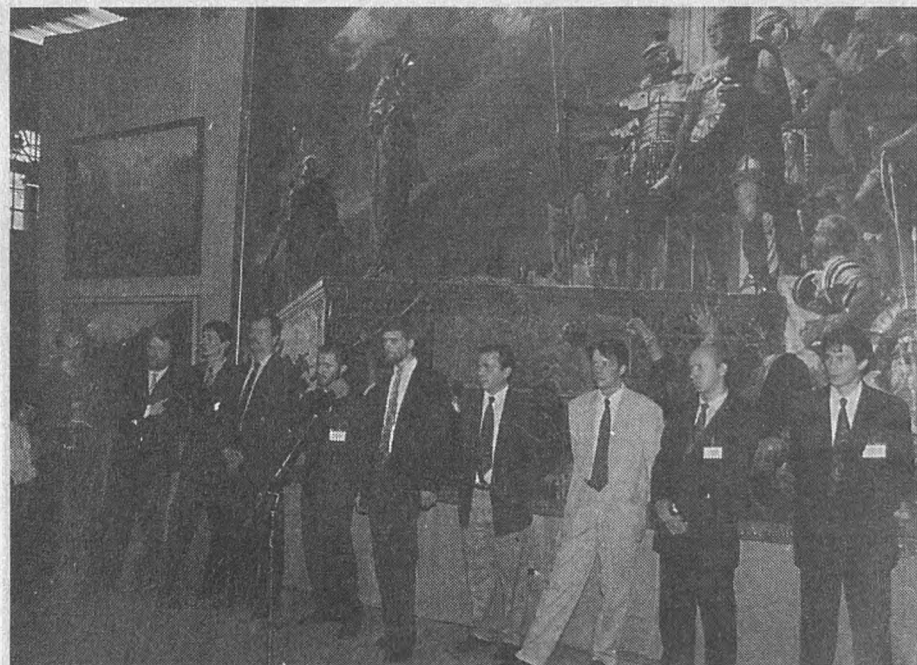
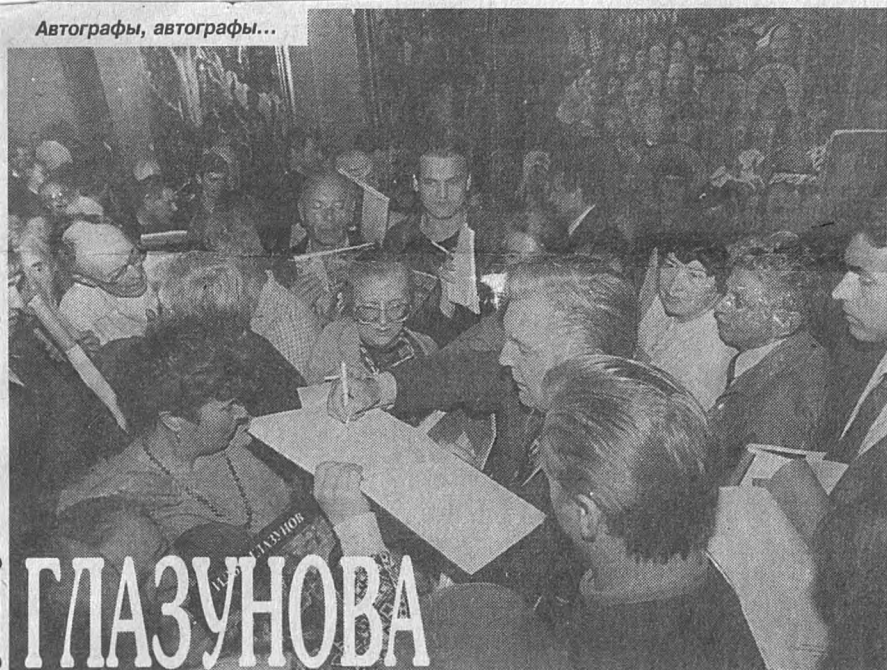
— За что?

— За то, что «Московский комсомолец» не побоялся опубликовать мою «Мистерию XX века» в то время, когда все трясилось от страха и не знали, как относиться к этой моей работе. Меня тогда чуть не посадили за нее — в 78-м году...

Галина ТЮРИНА.

Фото Александра КУЛЕШОВА.

P.S. Американцы считают Илью Глазунова мировым рекордсменом — по посещаемости выставок.

Молодые художники — участники выставки на фоне картины Ивана Глазунова «Распни его!»